

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НАМ НЕЛЬЗЯ

ОЛИВИЯ ЛЕЙК

Оливия Лейк
Нам нельзя
Серия «От ненависти до любви
в большом городе», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66992012
SelfPub; 2022*

Аннотация

– Сегодня ты мне не нужна. Да завтра, Колючка. И держись.
– Козел! – не выдержав, взбрыкнула я и толкнула в широкие плечи.

– Овца.

– Ненавижу тебя!

– Взаимно.

Черт, во что я ввязалась!

*****

Мой сводный брат козел. Я всегда это знала, а когда проиграла ему желание – убедилась в сотый раз. Три недели я должна исполнять его приказы, подчиняться беспрекословно. Но проиграла не только я. Он за тот же срок должен найти мне парня. Прекрасного-распрекрасного принца. Сложно, но можно. Или нельзя? НАМ НЕЛЬЗЯ...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Оливия Лейк

Нам нельзя

Глава 1

Кайла

– Привет, Бука! – поздоровалась я, взлохматив рыжие волосы брата.

– Привет, – буркнул он, продолжая рубиться в какую-то стрелялку. У нас не гостиная, а поле боя, только вместо поверженных врагов обертки от сникерсов и грязные стаканы с пепси. В школе каникулы, дома бардак – какое время года? Правильно, лето. – И не называй меня так! – добавил, награвив меня враждебным взглядом.

Так, когда там начинается переходный возраст? Неужели в восемь лет?! В общем-то, реакция понятна: моего брата звали Ричард (не Львиное сердце вообще!), но все сокращали до милого Риччи, а я называла Букой. Он так часто и до колик смешно выпячивал нижнюю губу, когда обижался, что я не устояла и дала ему прозвище. Возможно, я забыла бы об этом – брат уже подросток! – но после того, как он украл у меня пачку прокладок и с такими же мелкими поганцами приклеил их на школьный забор – от меня меня снисхожде-

ния можно не ждать! К директору вызвали маму. Бука получил по шее. Ну, а опозоренная я убирала следы его проказ! Я убирала! Пострадавшая сторона вообще-то!

– Приберись здесь, – пригрозила, прихватив из холодильника сэндвич. – Скоро мама с Дэвидом придут.

– Отвали, – отмахнулся Бука. Я же говорила, засранец.

– Окей, – согласно пожала плечами. – Тогда скажу маме, что ты мучил соседскую кошку и тебя нужно оставить на перевоспитание со мной, – даже помотала пальцем перед испуганным лицом. Как хорошо быть старшей сестрой. – Никакого тебе Диснейленда!

– Ладно, – он отложил джойстик и взял одним пальцем обертку с растаявшими остатками шоколада. – А ты почему не поедешь?

– Взрослые дела, – бросила, поднимаясь к себе.

– Ой-ой-ой! – передразнил Бука.

Я не стала реагировать. Еще на всякую мелюзгу энергию тратить. Я давно познала дзен в общении с мужским полом (с теми, у кого мозгов, как у страуса) – не замечать! Самая лучшая тактика. Увы, мой брат относился к таким. Надеюсь, это пока, но не исключаю и худший исход.

Когда дверь спальни оказалась плотно закрытой, я переоделась и, включив ноутбук, задумалась над пустым листом. Каникулы начались у всех, только нам, студентам третьего курса, нужно было за лето подготовить проект мини-расследование и к началу учебного года поделиться результатами.

Я не против поработать – знала на что иду, выбирая журналистику, – но что расследовать-то?! Монтерей – самый благополучный город. По всем фронтам просто! Это только в фильмах у богатых и респектабельных куча тайн и скелетов в шкафу. Нет, может и есть у кого офшоры на Кайманах, но я не налоговая служба! Сейчас парой незадекларированных миллионов никого не удивить. Мне нужна сенсация! Хотя бы местного разлива.

– Здесь же ни черта не происходит! – в сердцах хлопнула по столу я. Капитан Вольц об этом позаботился.

Правда, мистер Саммерс, мой научный руководитель, справедливо заметил, что хороший журналист везде найдет сенсацию. Окей, будем искать.

Я поднялась, взяла бинокль и подошла к окну – буду материал собирать. Нет, я не вуайерист какой-нибудь, просто мне нравится наблюдать за людьми.

Так, что тут у нас: домработница миссис Дарст поливает розовые клумбы, а сама хозяйка наблюдает. Она что, считает?! Девушка в садовых перчатках и переднике прошла с лейкой сначала по часовой стрелке, затем против. Это что еще за техника? Может, ритуал какой-нибудь? М-да, так себе сенсация. У богатой домохозяйки крыша от безделья поехала. Боюсь, в колледже не оценят.

О, наш химик домой приехал. С соседями мы жили на приличном расстоянии – заборами не терлись, – но обзор из моего окна прекрасный. Машину не стал загонять в гараж,

только пакет с продуктами взял. Химия у меня была на первом курсе, но мистера Росса нельзя просто взять и забыть. Во-первых, мы соседи, во-вторых, мужчина он видный: холостой, молодой, привлекательный и обходительный. Одевался не хуже калифорнийских модников, а дизайнерские очки только подчеркивали, что он на голову выше местных казанов с не обсохшим молоком на губах. В общем, девчонки пищат. Мне лично он напоминал Профессора из «Бумажного дома» – с интеллектом полный порядок.

От разглядывания филейной части нашего химика отвлек мобильный. Марсия. Нам с ней на пару искать материал для расследования.

– Привет, – поздоровалась я, принимая видеозвонок.

– Как дела на фронте?

– У меня только симпатичная задница мистера Росса и странный способ полива цветов.

– Не густо.

– Угу.

Мы поболтали с полчаса, потом вернулись родители и нужно было спускаться к ужину. За столом обсуждали будущий трехнедельный отпуск: Дэвид много работал, ему катастрофически необходима перезагрузка, желательно подальше от Монтерея. В охапку семейство и вперед, кричать «Алоха!». Это первые две недели, потом обещанный младшему Диснейленд. Меня отчим не уговаривал поехать, знает, что это бесполезно. Пусть чета Лавалей с отпрыском по-

веселятся, а я, брошенная и несчастная, останусь одна. В шикарном доме с бассейном, хамамом и холодильником, набитым деликатесами – ой, да я так плакать буду! Обрыдаюсь просто! Ага, конечно!

– День первый, – включила диктофон. – Мыслей ноль, но я работаю над тем, чтобы их стало хотя бы на одну больше.

– Тук-тук, можно? – заглянула в дверь мама.

– Отбой, – сказала диктофону и махнула рукой, приглашая войти.

Она присела на кровать, любовно разгладила невидимые складки одеяла.

– Мама-а-а, – протянула я. Обычно так начинались не очень приятные разговоры.

– Ты точно не можешь поехать с нами? Найдешь сенсацию на Гавайях.

– Мам, мистеру Саммерсу нужен материал отсюда, а не оттуда, – выразительно показала пальцем я.

– Эрик, приезжает, – тихо сказала она. – Будет присматривать за тобой.

Я на мгновение замерла. Что? Что?!

– Мама, мне двадцать лет и нянька мне не нужна!

– Он не нянька, – мягко попеняла она. – Это и его дом тоже.

Я нарочито небрежно фыркнула, скрывая за легкой нетерпимостью страх. Я не хотела жить с Эриком Лавалем под одной крышей. Я не могла жить с ним один на один три неде-

ли! Боже, за что ты так наказываешь меня?!

– Дэвид приглашал его с нами – Эрику же без разницы куда работать, но он не захотел, сказал: зачем ехать к океану, если мы живем возле него.

Я закатила глаза, представляя, как он это сказал, а еще почему он не хочет ехать – из-за двух чужеродных элементов: меня и мамы. Риччи отчего-то он считал своим. Но они действительно родные по крови.

– Так что можешь рвануть с нами, – мягко настаивала мама. Она не знала основной причины нашей взаимной неприязни, но поскольку и сама не раз сталкивалась с надменным пренебрежением пасынка, понимала мою позицию. Но не разделяла, конечно. Ей бы хотелось, чтобы в семье Лавалей царил мир да согласие, вот только я не Лаваль. Я Кайла Хьюз! С Дэвидом у меня были хорошие отношения, но угождать кому-то и отказываться от своих корней я не собиралась.

– Не получится, – накуксилась я. – А он знает?

– Думаю, Дэвид сказал ему.

Странно. Почему тогда Эрик решил приехать? Мы упорно избегали друг друга на протяжении последних двух лет. Так что же изменилось?

Наши отношения были сложными. Сложными с первого взгляда. Только не любовь. Ненависть. Его ненависть.

Мне было двенадцать, когда мама ласковым шепотом объявила, что беременна. Что она выходит замуж, и мы переез-

жаем в Монтерей. Я была в шоке, но не против. Отец ушел в магазин за молоком, когда я была маленькой, да так и не вернулся. Покупает, наверное. До сих пор. Мы долго жили одни, потом появился мужчина. Это было непривычно. Дэвида Лавалю я просто не могла считать отцом – слишком большая уже была, но и в штывы не воспринимала – понимала все, да и в школе половое воспитание уже началось.

Мама говорила, что у него сын всего на четыре года старше меня. Я думала, что у меня будет старший брат. Как же я тогда ошибалась!

Эрику было шестнадцать, и он возненавидел нас с мамой с первого взгляда и даже не пытался скрыть своих чувств. Сложный возраст в самом своем неприглядном свете. Поначалу я не понимала, откуда столько агрессии и ненависти. Они с Дэвидом тогда постоянно ругались, кричали друг на друга, маме доставалось и мне прицепом. Нет, до рукоприкладства не доходило, но заносчивые выпады, уничтожающие замечания и полный игнор на людях испортили мою адаптацию в новом городе.

Уже позже, когда я попыталась разобраться в тонкостях отношений матери и отца, узнала, что познакомились они, когда Дэвид был в командировке в нашем родном Сан-Франциско. Он повредил руку – чем адвокат может пораниться я так и не поняла – и мама, тогда еще работавшая медсестрой, помогла ему. Роман закрутился стремительно. Вот только Дэвид был женат, хоть и на грани развода. Когда мама за-

беременела – развод стал неминуем.

Эрик, естественно, считал мою мать разлучницей. Выросший в семье преуспевающего адвоката, полной и благополучной, с детства имевший все, что нужно и даже не нужно – да, его мир рухнул! Появление чужой женщины, которая, по его мнению, и в подметки не годилась родной матери, было расценено, как личное оскорбление. Откуда я это знала? Потому что Эрик об этом кричал!

Я не представляла, каким он был до нашего появления, но после – стал последней сволочью. Мы были триггером, а от них избавляются. Эрик наотрез отказался поддерживать отношения с новой семьей отца. Они с матерью собирались уехать в Лос-Анджелес. Элеонору Лаваль я так и не увидела – она не справилась с управлением и попала в аварию. Погибла на месте. Ее сын, естественно, остался с отцом. Ему просто некуда было деваться до совершеннолетия.

Думаю, не нужно говорить, что взросление у меня было тяжелым. Жить под одной крышей было невыносимо. Именно поэтому мне очень сложно было прижиться в Монтерее.

Меня не принял сводный брат. Не принял он, а за ним и свита. Эрик был неизменным королем школы, и это не фигура речи. Свою корону он все-таки получил на выпускном балу. Еще одно доказательство своей крутости. По нему с ума сходили все мои одноклассницы! Хотелось бы сказать: «Да что вы в нем нашли?!» Но даже мне понятно, что... Эрик и в шестнадцать был выше отца ростом, по-мальчишески ху-

дыми, но уже с широкими плечами и дьявольски обаятельной улыбкой. Да, я видела ее иногда, но мне ни одна не предназначалась. Мне доставался только презрительный прищур ледяных голубых глаз и надменно вздернутый подбородок. С возрастом Эрик не подурнел, не обзавелся прыщами и не отрастил пузо – ну какое пузо в двадцать четыре! Увы. А вот характер остался прежним – козел, в общем, мой сводный брат.

Конечно, со временем жгучая ненависть сменилась глухим раздражением, и работало оно почему-то только в отношении меня. С отцом у него постепенно нормализовалось все, Риччи Эрик даже полюбил, с присутствием мамы свыкся, а меня терпел, иногда казалось, что из последних сил. Когда он поступил в Беркли и уехал – мне стало легче дышать.

Домой приезжал редко: на Рождество и иногда на каникулы, но ненадолго и в основном зависал с друзьями.

– Рождество... – проговорила вслух, когда мама ушла. Самое паршивое Рождество. Да, я больше не любила этот праздник, как и свой день рождения. И во всем виноват Эрик. Прошло два года, а я помнила все, словно вчера было...

Сочельник, два года назад

Мама настояла на покупке нового платья – Рождество ведь! Ну и мой день рождения, конечно. Повезло же родить-

ся в самый главный праздник в году! Увы, я всегда буду на втором месте, здесь без вариантов вообще.

– Тебе нравится? – с надеждой спросила она, а сама расплакаться готова. Я кивнула. Даже если бы на мне был мешок надет, все равно сказала бы, что это самая потрясающая мешковина. Когда на тебя так смотрят – по-другому нельзя. Хотя платье действительно роскошное.

Мама считала, что в восемнадцать девушка становится молодой женщиной, значит, выглядеть и вести себя должна соответствующе. Поэтому наряд был подобран утонченный, элегантный, в меру откровенный. Черное бархатное платье обволакивало мою по-девичьи стройную фигуру, как ласковый футляр: руки до самых запястий, грудь, которая могла быть и побольше, но зато высокая и крепкая, бедра, подчеркивающая крутой изгиб.

– Какая ты красивая, – всхлипнула мама, усадив меня на низкий пуф перед туалетным столиком. Мы с ней были похожи: те же пушистые рыжие волосы, карие глаза, тонкие черты лица. Лично я маму считала красавицей, даже в сорок она могла похвастаться стройными ногами и свежестью, свойственной юности. А вот я: рот великоват, нос длинноват и эти веснушки на плечах. Скорее бы лето. Загорю, так, что ничего видно не будет!

Она до блеска расчесала длинные волосы и собрала в небрежный низкий пучок.

– Готово!

Пока мама накрывала на стол, а отчим ей помогал, я, отогнав Риччи, осторожно пошла на поиски Эрика. Я слышала, что они с Картером собирались на какую-то вечеринку после ужина. Дэвид с его отцом были дружны, и чета Трэвер должна прибыть к восьми часам, а вот сын уже приехал. Я хотела поговорить с Эриком до прихода гостей. Кто-то из нас должен начать вести себя по-взрослому – я решила примерить эту роль на себя и положить конец нашей затяжной холодной войне.

Он приехал только вчера и вел себя до крайности пренебрежительно. Шесть лет мы с матерью живем в этом доме, и если с ней он смирился и даже перестал делать вид, что она пустое место, то меня либо игнорировал, либо обижал. Сво-лочь он, и мне это надоело! Какие вообще у него проблемы?! Я в чем виновата перед ним?!

Приоткрыла дверь в бильярдную – нос тут же пощекотал запах вишневого кальяна. Свет приглушен, парни неспешно катают шары, прикладываясь к бокалам с янтарной жидкостью. Они совершеннолетние, им можно, а вот мне до двадцати одного даже шампанское только по праздникам и под присмотром матери. Да ради бога, не очень-то и хотелось!

Я уже приготовилась постучать, как услышала ленивый голос Картера:

– Слышишь, а твоя сестренка похорошела.

Они вместе учились в Беркли, только Эрик изучал информационные технологии, а его товарищ по песочнице – фи-

нансы. В общем, виделись мы с ним так же редко, как с самим Эриком. Я почувствовала себя польщенной. Картер был симпатичным, хотя тем еще говнюком. Но, конечно, до статуса главного козла не дотягивал, да и занят титул. Моим сводным братом занят.

– Какая она мне к черту сестра, – сухо отозвался Эрик.

Я упрямо сжала губы. Со мной родниться он ни в коем случае не желал – недостаточно хороша для него!

Эрик взял бокал и взглянул в зеркало, направленное на дверь. Наши взгляды схлестнулись, как два безжалостных клинка. Он всегда на меня так смотрел, остро, с надменным прищуром, словно душу заживо испарывал. В холодных голубых глазах блеснул яростный огонек, я приготовилась к очередному болезненному выпадку – привыкла уже.

– Знаешь, – расслабленно начал Эрик, – как по мне – она страшненькая. Хоть лицо подушкой накрывай.

Картер рассмеялся, а я сглотнула горькую слюну. Эрик знал, что я слышу, специально сказал, чтобы обидеть меня, и удар достиг цели. Рождество, как и мой день рождения, безнадежно испорчены...

Три часа ночи. Все спали. Кроме меня, естественно. Я пугала Санта-Клауса. Сидела в гостиной и смотрела, как неспешно загораются огоньки, затем так же медленно умирают, чтобы возродиться через мгновение. Камин мерно потрескивал, догорая; в носки мама щедро насыпала сладостей – вот Риччи обрадуется, потом, конечно, обязательно

сляет с острым дерматитом. Под огромной елкой гора подарков. Мне сегодня досталось больше всех, по двойному тарифу. Я механически улыбалась и благодарила родителей и гостей, а в душе чувствовала себя оплеванной. Эрику удалось изгадить даже любимый праздник. Это я про Рождество, к дню рождения в принципе равнодушна. Хорошо еще, что не подарил какую-нибудь отвратительную гадость. Он вообще никогда ничего мне не дарил. Никогда.

– Сволочь, – тихо выругалась и пошла на кухню. Заем свою печаль шоколадным тортом, а потом забуду все. И планы по примирению тоже забуду! Пусть идет туда, куда положено всяким козлам!

Ночь была темной и безлунной. Тучи набежали неожиданно, и даже запахло дождем. Я распахнула стеклянную дверь, выпуская свежий океанский бриз. Мы жили не у воды, но и сюда долетал соленый аромат. Глубоко вдохнула, ощущая мурашки на руках и ногах. Или это не от холода?

– Не спится? – услышала и резко обернулась.

Эрик стоял, лениво прислонившись к косяку. Темные волосы, еще вечером уложенные идеально, взлохмачены, взгляд с туманной поволокой, мутной, безумной. Эрик скинул джемпер, оставаясь в одной футболке и джинсах, бросил на стул и подошел ближе.

– Празднуешь? – облокотился на стол сильными руками, сверкая мудреной татуировкой, покрывавшей всю правую руку. Я машинально отодвинулась дальше – нам рядом все-

гда невыносимо тесно. Лучше в разных комнатах, городах или вообще планетах. – Отвечай, – вяло скомандовал он.

– Не твое дело! – воинственно вскинула голову. Командир нашелся!

Эрик тихо рассмеялся, скользнув тяжелым взглядом по моим голым ногам и, взяв (мою!) ложку, положил в рот кусочек шоколадного бисквита. Он пьяный, что ли? С чего это решил снизойти до разговора со мной?

– Херня, а не торт, – брезгливо поморщился. Кто бы сомневался! От мистера «Сволочного козла» другого ожидать нельзя было.

Я обошла стол, чтобы наши траектории с опасно притихшей версией Эрика Лавалю не пересеклись – у него слишком странное настроение, биполярочкой пахнет.

Он оттолкнулся от опоры, пошатнувшись неслабо. Никогда его таким не видела. Но мы в принципе редко встречались, хоть и состояли в одной семье. Я поймала его за руку – не хватало утром объяснять родителям погром на кухне.

Эрик навалился на меня, обжигая ладонями стискивая талию, обжигая терпким дыханием висок. Меня током прошибло от его близости. Кровь к лицу прилила. Странное чувство забило в животе, словно бабочки наружу выбраться хотели. Такое разве бывает?! Я ведь терпеть его не могу?! Тогда почему поток эндорфинов смел без остатка серое вещество, которым бог меня наградил?

Горячие руки неспешно скользнули вниз, касаясь ягодиц,

забираясь под короткие шорты. Я часто задышала, упираясь в широкие плечи. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что все это неправильно, противоестественно. Он же мой брат! Да, не по крови, но мы жили много лет в этом статусе, пусть ненавидели друг друга, но терпели, понимая, что теперь наши жизни навсегда пересеклись. Почему же я тогда взгляд не могу отвезти от ледяных глаз?

– Эрик... – выдохнула с мольбой, только о чем просила: чтобы отпустил, или, наоборот? Он резко подхватил меня и усадил на стол. Руки по обе стороны положил, смотрел, не моргая даже. Все, не убежать от него, если сам не отпустит. Не сжалится.

– Я не поздравил тебя, – хрипло произнес, блуждая взглядом по моему лицу, изучая, словно и незнакомы мы, будто видит впервые. До волос дотронулся: сначала осторожно, затем зарываясь полностью, шею оттягивая. Я машинально губы облизнула, застыв перед ним, как добыча перед хищником. – Да или нет? – спросил, не объясняя.

Конечно, нет!

– Да, – несмело шепнула, и он обрушился на меня. Как смерч опасный завертел и закружил. У Эрика были мягкие губы, а поцелуи жесткие, властные, запретные. С терпким привкусом дорогого виски и бесшабашной молодости. Меня никогда так не целовали. Слюнявые потуги моих сверстников ни в какое сравнение не шли. Тот опыт повторять не хотелось, а этот, как запретный плод, слишком сладок. Зна-

чит, грядет расплата. Перворожденная грешница Ева всем это доказала.

Эрик оттянул мою губу, прикусывая, и я вернула ему ласку: за шею обняла, в волосы темные зарылась, густые и мягкие, с запахом чего-то горького и сладкого. Я рвано вздохнула после жарких поцелуев, когда он в шею впился, метки свои оставляя, до боли, странной, незнакомой истомой низ живота прошивая.

Бретелька пижамной майки соскользнула, вторую сам Эрик стянул, медленно, неспешно, взглядом меня гипнотизируя, не давая сомнениям в разум пробиться. Соски тут же затвердели, почувствовав прохладу рождественской ночи, а в душе жарко, в сердце жарко и между ног жарко. Непривычно и пугающе. Он потянул меня на себя, теснее прижимаясь, чтобы ничего не мешало ощутить тело его каменное. Эрик бедрами повел, потерся об меня с хриплым стоном. Мы были в одежде, но я остро ощущала давление между ног, было приятно. Очень.

Я шумно втянула воздух, когда он коснулся меня: сдвинул на бок тонкую ткань шорт вместе с кружевной полоской трусиков. Погладил, с напором раздвигая нежные складочки, надавил на вход, пробивая путь внутрь.

– Нет! – испуганно свела ноги, только сейчас осознав, что мы собирались сделать. Нам нельзя! А если увидят, узнают?! – Нам нельзя...

Моим первым мужчиной не может стать сводный брат!

Это противостоестественно!

Эрик моргнул несколько раз, даже головой тряхнул, словно ото сна избавляясь, затем на меня посмотрел, презрительно, надменно, как только он умел.

– Мамаша на отца запрыгнула, а ты на меня решила?

Я тихо ахнула. О чем он?!

Эрик приблизил свое лицо к моему, но во взгляде не было больше мутной поволоки. Страсти не было.

– Когда я буду здесь – беги, поняла? Сваливай, куда хочешь. Чтобы не видел тебя больше. Ясно?

– Да иди...

– Ясно? – встряхнул меня грубо.

– Ясно! – крикнула и оттолкнула его, спрыгивая со стола, придерживая сползший на талию топ, губы кусая, чтобы слезы не брызнули. Какая же он сволочь! Сам полез, а меня обвиняет.

– Ненавижу тебя, – выдавила и бросилась прочь. С этого дня я ненавидела Рождество и свой день рождения. Мерзавец Эрик Лаваль и их у меня отнял.

Я отогнала наваждение. Нет, этих демонов я победила. Та ночь больше не отзывалась стыдом и тупой болью в груди. И встречи с Эриком больше не пугали. Да, сначала я избегала его с утроенным рвением, да и он стал приезжать домой еще реже. Но сейчас я готова встретиться с призраками прошлого лицом к лицу.

Я спрыгнула с кровати, подошла к большому зеркалу, разглядывая свое отражение. Нет больше наивной дурочки с острыми коленками и глупым желанием стать ближе к нему, Эрику. Меня теперь нелегко соблазнить, запугать и даже обидеть. Взгляд упал на голые ноги: черт, а коленки до сих пор острые, но желания сблизиться со сводным братом точно нет!

Я взяла диктофон и сделала запись:

– Впереди полный капец!

Глава 2

Кайла

Впервые я так остро страдала от того, что отчима не было дома. Дэвид задержался в офисе с клиентом – я хотела бы задержаться вместе с ним и не участвовать в цирке, который устроила мама. Эрика Лавалья встречали практически как мистера Дарси. Нет, не того, что в «Бриджит Джонс», а того индюка надутого из остиновского романа. Мы трое выстроились на изумрудном газоне и ждали, когда Его Величество приедет. Единственная отдушина: мама не заставила нас одеться в парадную униформу с чепчиком и белым фартуком, ну и книксен делать не нужно, вроде. Дурдом, право слово! Она замужем за Дэвидом уже восемь лет, а до сих пор чувствует себя виноватой перед его сыном, отсюда и желание угодить и выслужиться. Только она ни в чем не виновата. Как ей вдолбить это в голову! И я больше чем уверена, что самому Эрику вся эта показуха не нужна. Мы, Хьюз, бывшие и настоящие, вращались с ним на разных орбитах и никогда не сойдемся, хоть в лепешку расшибись.

– Мам, можно я пойду? – раздраженно спросила, пнув мяч Риччи.

– Нет.

– А если мне срочно?

– Приспичило, что ли? – зубоскалил младший Лаваль. Это, похоже, у них семейное. С кровью и фамилией передается. Придурочней восьмилетних пацанов могут быть только двадцатичетырехлетние мерзавцы.

– Заткнись, Бука.

– Не называ...

– Заткнись, я сказала!

– Кайла, Ричард, успокойтесь! – оборвала мама и тише добавила: – Если нужно по-маленькому – беги.

Я закатила глаза. Моей матери сорок с небольшим, а она до сих пор сюсюкает со всеми. Десять лет медсестрой проработала, ласка выработалась на уровне рефлексов: ну а что, когда трубку для гастроскопии засовываешь, по-другому никак. Это сейчас она светская домохозяйка, не отчаянная, но с комплексом перфекциониста. И я даже не знаю, что хуже.

На подъездной дорожке остановился черный «Порше» – понты у Лавалей семейная черта. Отчим у меня нормальный мужик, но тоже любит достоинствами щегольнуть: у кого ровней газон, у кого круче тачка, моя струя летит дальше твоей – ход мысли понятен, да?

Мама пошла встречать дорогого гостя. Риччи кинулся следом, обгоняя ее. Предатель мелкий! Дверь открылась, и я замерла, повторяя, как мантру:

– Мне все равно. Мне все равно. Мне все равно.

Рваные джинсы, белое поло, кроссовочки белизной сияют. Очки-капли надменный прищур ледяных глаз прячут,

темные волосы на солнце выгорели, да и загар бронзовый явно не электромагнитным излучением получен – да, не так обычно компьютерных задротов представляешь.

Эрику стукнуло двадцать четыре, и он уже год работает в «Фейсбуке»: получил приглашение сразу после магистратуры. Я слышала, как Дэвид хвастался, что его старший сын будущий Цукерберг. С соответствующим доходом, естественно. Сейчас Эрик ни от кого не зависел материально. Зависел ли от кого-то эмоционально? Порой казалось, что нет. С семьей (себя я не имею в виду) виделся пару раз в год, хотя жил в паре часов езды от Монтерея. А когда приезжал – больше с друзьями зависал. Не было у Эрика тяги к корням. А эти самые «корни» смирились с его пофигизмом. Что поделать, если он класть хотел на семейные ценности. Мне даже немного жаль его: наверное, сложно жить с эмоциональным диапазоном, как у зубочистки. Железный дровосек бессердечный. Хотя нет, ни черта мне не жаль! Да, я злая и память у меня хорошая!

– Шарлотта, – донеслось до меня. Эрик даже слегка приобнял маму. Ничего себе! Мы не виделись год точно, неужели в их отношениях такое потепление? А что еще изменилось?

Изменилось... Я не хотела, но не могла не взглянуть на него. Эрик стал еще шире в плечах, забил татуировками и вторую руку, а улыбался так, что и девяностолетняя бабуля, как девочка, глазки строить начнет. Он был красивым. Не просто

симпатичным, привлекательным или магнетически брутальным, а действительно красивым: с правильными чертами лица, в меру полными губами и улыбкой кинозвезды. Правда, чистый гавнюк по характеру, но кого это волнует, когда аура альфа-самца мозг до состояния кашицы размягчает!

– Здорово, мужик! – они побратались с коротышкой Риччи – ему еще до шестифутового с лишним брата ой как далеко. Мне достался сухой кивок. Отлично, я повинную выполнила, можно убегать. Как бы ни кичилась и ни бравировала, а его слова помнила хорошо: они на подкорку записались, обидой горькой в душу вошли:

Когда я буду здесь – беги, поняла? Сваливай, куда хочешь. Чтобы не видел тебя больше...

Поэтому я не понимала, совсем не понимала, зачем он здесь. Почему решил пожить в Монтерее, со мной под одной крышей, если уже год как обосновался в Менло-Парк. Ну не будет же он до работы добираться полтора часа каждый день?! Хотя ему можно и не ездить, главное, чтобы компьютер под боком был. Черт!

– Кайла, помоги мне накрыть стол к ужину, – попросила мама, подталкивая всех в дом. Дважды черт!

За ужином я преимущественно молчала, или отделялась лаконичными «угу», «ага», «нет». Да, мой преподаватель английской словесности пришел бы в ужас.

– Эрик, положить тебе еще салат? Мясо?

Мама прямо старалась.

– Благодарю, не стоит, – и демонстративно отложил приборы, хотя тарелка наполовину полная. Вот поганец! Да, грудинка жестковата и что?

– Кайла? – мама посмотрела на меня с надеждой, словно я круг, который должен броситься навстречу утопающему.

– Угу, – выдала десятое за вечер. Плакали мои планы ускользнуть из-за стола поскорее, но маму не брошу, буду давиться, но все съем!

– Так что там у тебя с квартирой? – поинтересовался Дэвид. Он, кстати, тоже ел, не щадя желудка.

– Руки только дошли до ремонта.

Ага, чьи интересно руки? Не его точно!

– Полгодика поживу здесь.

Кусок грудинки в горле застрял, и я закашлялась, выплюнув остатки. Но мне вообще плевать. Меня другое волновало. Сколько-сколько этот индюк высокомерный будет здесь жить?! Полгода?! Меня настолько ошеломило его заявление, что я даже оставила без комментариев брезгливую физиономию. Подумаешь, пару кусочков вылетело изо рта, дело-то семейное!

– Мы через неделю уезжаем, – напомнил Дэвид, когда меня отпустило, и строго посмотрел на нас обоих. Я что? Я ничего. Это все он, Эрик! – Нам волноваться на ваш счет?

– Да пусть себе живет, мне-то что, – равнодушно бросил,

не взглянув на меня даже. Да и сказал так, будто я гость в этом доме. Да, это теорема, которую не нужно доказывать: мы (или только я) для него гости, временные жильцы, а Эрик – хозяин.

– Спасибо, мам, – я отложила салфетку и поднялась. – Мне нужно бежать: Марсия ждет.

Хватит с меня. Нужно проветриться и подумать, как жить с надменным сводным индюком (братом он так мне и не стал) на одной площади!

Через полчаса я, собранная и готовая провести пятничный вечер вне стен отчего дома, выпорхнула из спальни и практически нос к носу столкнулась с Эриком. Я уже и забыла, что его спальня наискосок от моей.

Скривилась всего на долю секунды и тут же надела самый непробиваемый покер фейс. Нам полгода на одной территории существовать – пора начинать тренироваться не замечать друг друга.

Я практически прошла мимо, но куда там! Эрик схватил меня за локоть и притянул к себе.

– Пока я буду здесь, ты не отсвечиваешь, поняла? – процедил сквозь зубы, не глядя на меня. Неужели думает, что меня до сих пор можно напугать рычанием в голосе? Я и сама покусать могу! Для начала вырвала локоть и медово сказала:

– Послушай, дорогой брат, – даже руку на его плечо положила. Эрик взглянул так, будто сейчас сломает, – если ты думаешь, что мне есть до тебя дело, то ошибаешься. Живи

себе, ради бога, – и пошла дальше.

– Я тебя предупредил, – бросил в спину.

Я обернулась. Хотела показать ему средний палец, но вместо этого послала воздушный поцелуй. Уверена, Эрика это взбесит похлеще любых оскорблений. Я больше не боюсь, не робею и не злюсь. Только равнодушие. Нет, РАВНОДУШИЕ! Большими буквами.

Так и есть. Эрик аж зубами клацнул от досады.

– Сучка, – одними губами прошептал, потому что по лестнице поднимался Дэвид.

– Гав-гав! – не выдержала я. Вот мы все и решили. Посемейному!

Эрик

Вот зараза! А были времена, когда дышать в мою сторону боялась. Хорошие времена, жаль, закончились. Сейчас у Кайлы вместо языка колючки, а в глазах огонь-пожар просто. Она не прячет их больше, не смущается нашего маленького секрета. Лучше бы продолжала бояться. Сучка-колючка.

– Хм, а ей подходит, – проговорил вслух.

Я зашел в спальню и рухнул на кровать. Рабочие коробки так и остались нераспакованными. Завтра, все завтра. Сегодня буду прокрастинировать и думать, как докатился до такой жизни. Мне так хреново в этом доме. Уже три года хреново. До этого тоже не сахар было: после аварии принять

мачеху казалось невозможным, но стерпится-стерпится, как говорится. А потом ну вообще звездац. Я даже помню, когда меня начало корежить и ломать. День икс. Когда заметил Ее. Мелкую, нескладную, рыжую сводную малявку. Никогда не считал ее сестрой! НИКОГДА. Как бы я хотел забыть тот день. Хотел, чтобы не было его, но нет. Это как смотреть на зашифрованную картинку и среди хаоса наконец начинают проглядываться очертания корабля. Потом сколько ни жмурься, ни отворачивайся: один взгляд, и видишь его – корабль. И нельзя его развидеть. Нельзя!

Лето, солнце, океан. Я приехал в Монтерей. Мы с Картером тусили ночи напролет: бухали, курили, таскались по телкам, ночь пили большими глотками. Через две недели беспробудного прожигания жизни моя совесть надавала подзатыльников – решено было навестить предков: отца и Риччи. Лучше бы я оставался в загуле...

– Смотри, какой экземпляр, – бросил, притормаживая на светофоре. Нужно пьяного Картера (мы не просыхали, наверное, дня четыре) сдать на руки предкам, а потом в дом родной наведаться. Отец просил приехать. Да и соскучился я немного.

– Где? – Картер даже очки опустил, но глаза один хрен в кучу.

– Вон, на роликах. Рыжая.

Я засмотрелся даже: ноги длинные, ровные и стройные,

шортики короткие, едва крепкую задницу прикрывают. Но самое главное – волосы. Густые, пушистые. Мягкие, наверное. Меня в последнее время на рыжих поперло.

Сзади сигналить начали – бля, зеленый давно загорелся. Я сорвался с места. Красотка на своих роликах до перекрестка доехала уже. Остановлюсь и дам свой номер: она позволит. Телки мне всегда сами звонят. И на лицо ее неплохо было бы посмотреть. И сиськи тоже.

Я прижался к тротуару: хотел окликнуть, когда она повернулась. Зачетная девочка. Глаза большие, губы пухлые, молоденькая правда совсем. И еще знакомая какая-то. Не пойму, где видел ее.

– Так это же твоя сестра! – наконец прозрел Картер. – Малявка Кайла, хотя... – он глазомером в нее стрельнул. – Жопка у нее вполне взрослая.

– Заткнись! – психанул я. Причем не на него, а на самого себя. Круто дал руля, вписываясь в поворот, с заездом на тротуар. Я подрезал Кайлу. Видел, как растянулась на асфальте. Зараза мелкая. Хотя ничерта не мелкая уже!

Домой она приехала с разбитыми коленками. А нехер без защиты ездить! И шлюховские шорты тоже нехер носить! Семнадцать лет, а задницей крутит, как местная давалка!

В тот день закончился мой покой. Я даже сейчас помнил, как Кайла зыркнула на меня. Поняла ведь, что я был за рулем, знала мою машину. Но ничего не сказала. Не пожало-

валась отцу или маман своей. Она вообще никогда не жаловалась: ни на меня (а было за что), ни вообще. Мы ругались, пакостили и ненавидели друг друга, не привлекая взрослых. Это была наша война: горячая, потом холодная. Я даже уважал ее за то, что так стойко отбивалась от моих нападков, пока мне не пришлось сражаться с моментально распространившимся во мне пожаром. Я больше не мог смотреть на Кайлу, как на малявку, инородный элемент в моем доме, который совсем ни к месту, но так и быть – пусть будет. Я мог смириться с мачехой и довеском, который она привела, но не мог принять, что эта рыжая девчонка начала вызывать во мне какие-то абсолютно противоречивые чувства.

Нормальный человек назвал бы это симпатией. Мудак – желанием вдуть смазливой телке. А помесь этих двух ипостасей во мне разрывалась просто. Естественно, я ненавидел за это именно Кайлу. Она то платье мини наденет, то топ «сиськи и пупок наружу». Хотя сама даже не замечала (или только делала вид), что мои реакции на нее поменяли окрас. Теперь это не просто ненависть, а ненависть с острой примесью тлена. Да, хотеть завалить на спину «сестру» – чисто клиника.

Я сбежал от греха подальше. Полгода трахал все, что движется. Думал попустит меня, а приехал на Рождество и сорвался. Чуть на кухонном столе ягодку не сорвал. И ведь Кайла хотела. Ноги широко разводила, губы подставляла, а какая мокрая была! Горячей лавой истекала. Той ночью она

все прекрасно понимала!

– Блядь! – выругался, почувствовав давление в паху. У меня встал. Довспоминался. Вот как так: я лежу, страдаю со стояком, а Колючка вырядилась в блядские джинсы и на выгул пошла. Еще и дерзкая такая!

И за это я ее тоже ненавидел. Есть в ней за что зацепиться, и это не про фигурку аппетитную. Ее ведь прессовали и дома, и в школе (с моей подачи и благословения), а она вопреки всему не сломалась, не прогнулась под сытое общество. Собой осталась. Порой дурындой редкостной, но с позицией и собственным особо ценным мнением.

Лучше бы не осталась. Лучше бы в куклу с дутыми губками и ватой вместо мозгов превратилась. Такие у меня вообще фоном проходят: без имен и лиц практически.

Интересная все-таки штука психология. Я не могу привязаться к женщине. Просто не могу. Не потому что мудак (хотя не без этого), а потому что не получается. Кончаю и моментально теряю интерес. Даже второй раз не хочу. Даже если вчера с ума сходил. Нет, я могу трахаться с одной и той же партнершей какое-то время, но это как драть, только вместо руки женщина. Никакой эмоциональной привязки. Вообще никакой.

Я ходил к трем психологам и каждый заявлял, что это психологический барьер. Детская травма. Я потерял маму и возвел ее на пьедестал. Никто не может занять ее место. Блокировка на сердце. Какой-то парапсихический бред, если чест-

но. Беспокоит ли меня это? Да не особо. Не женюсь, не нарожаю сопляков – велика беда. Меня беспокоило, что три года меня плющит от колючки Кайлы.

А после той ночи мой рыжий демон вообще взбесился: во снах терзает меня, душу выпивает. Наваждение какое-то. Я точно псих. Или наркоман, правда, не знаю, как окрестить мою зависимость. В общем, пора закрыть этот гештальт.

Нет, трахать сводную сестру я не планировал (нам ведь, вроде как, нельзя), но узнать поближе захотел. Говорят же, быт убивает. Пусть вытравит ее из меня. Я перетаскал всех рыжих, кроме одной, естественно, на юго-западном побережье – не помогло. Вся надежда на близкое общение. Может, Кайла реально тупая, искусно притворяющаяся умной, или у нее ноги воняют. Или и то, и другое.

Телефон завибрировал в кармане, отвлекая:

– Алло.

– Здорово! Приехал?

– Что за грохот у тебя? – спросил, поднимаясь. Картер просто так никогда не звонит.

– Родители уехали на уикенд в Сан-Франциско, и Энди закатил вечеринку.

– И тебя, что ли, пригласил?

– Нет, но я ведь неотвратимое – старший брат.

Я усмехнулся. Неужели Картер забыл, что был таким же. Да еще год назад был! Пока работать с отцом в поте лица не начал. Я всегда хотел уехать из Монтерейя, а после драмы

в семье особенно. Картер наоборот: здесь у него все очень хорошо, а будет еще лучше, когда займет место родителя в кресле президента банка. Зачем начинать где-то заново?

– Да я за документами заехал, а здесь туса.

– И решил остаться?

– Слышь, а приезжай! Зависнем как в старые-добрые.

– С писклявыми малолетками? – Да, настроен я был скептически. Сколько там его брату? Двадцать? Значит телки лет по восемнадцать максимум.

– Не скажи: девочки очень даже созрели. Я заценил уже, – и контраргумент: – Ну, не такие уж мы и старые!

Думал я недолго. Почему бы и нет?! Тем более мне очень нужна разрядка. Снять напряжение после мыслей о рыжей сучке-колючке.

– Еду.

Глава 3

Кайла

– Как прошло? – спросила Марсия, когда мы влились в вялый поток. Пятничный вечер. Все уже либо пьяные гуляют по Монтерей-бей, либо еще напиваются в баре.

– Не спрашивай.

Она в курсе нашей «любви» с Эриком, но даже ей я не рассказывала про его отнюдь не братский подарок на мое восемнадцатилетие. Я вообще никому об этом не рассказывала. Это моя тайна. И его. Но не наша. Потому что у нас нет ничего общего.

– Куда мы, кстати?

– Скоро узнаешь, – загадочно подняла палец Марсия.

Ох, чувствую, не понравится мне это. Не понравится.

С Марсией мы сдружились еще в школе: я – новенькая, которую травит сводный брат; она – белая ворона, точнее, черная. В двенадцать лет она свято верила в паранормальное, носила ведовские амулеты и в полнолуние устраивала оккультные шабаши. Так, ничего особенного, посиделки во дворе со свечами и в странных балахонах. Я всегда была скептиком, но как не поддержать единственную подругу! Надела простыню и готово. С меня ведь не убудет. Марсия же воинственно обещала моим обидчикам, что наколдует им

вшей и вонь изо рта. В общем, тандем у нас был отличный!

С возрастом ее вера в мистическое поубавилась, а вот любовь ко всяким фенечкам и оберегам нет. Но все равно в нашей паре именно она оставалась чувствами, а я, как водится, разумом. Вот и сейчас эти «чувства» привезли нас в большую задницу. Это разум мне говорил.

– И что мы здесь делаем?

– Нам же нужны интриги, тайны, расследования! – с жаром воскликнула Марсия. – Где же еще искать материал!

Я покосилась на роскошный особняк с видом на океан, возле которого припарковалась не меньше десятка машин, а музыка орала далеко за пределами толстых кирпичных стен. У Энди Трэвера, задаваки и выпендрежника, вечеринка. Да, это младший брат Картера, друга Эрика.

Мы с Энди учились вместе. После выпуска моего сводного брата-индюка именно он примерил на себя роль главного альфаха в школе. Как по мне неудачно: спеси много, но до супер самца не дотягивает – больше дрочо, чем мачо. Эрик хоть и козел, но энергетически-магнетический козел, этого не отнять.

– Ладно, пойдем, – сказала и выбралась из машины. Мы неспешно шли вдоль улицы, ловя отражение в окнах припаркованных авто. Не очень-то мы похожи на девушек, тусующихся в компании Энди. Не в мини, не в бикини и далеки от входных модельных параметров. Я – рыжая, в джинсах и укороченном топе, среднего росточка. Марсия и того ниже, с

густой черной копной, в фенечках и с амулетом от сглаза на очень даже аппетитной груди. Шансы пройти фейс-контроль пятьдесят на пятьдесят, все зависит от количества употребленного алкоголя хозяина вечеринки и его дружков.

На входе никто не крикнул «а вы, фемки, какого черта здесь забыли?!». Нет, мы не феминистки в самом превратном понимании, мы просто терпеть не можем одноклеточных мужиков, мозг которых сосредоточился исключительно ниже пояса.

Народ был навеселе, и нас приняли позитивно – два стакана водки-с-пивом тут же перекачивали к нам: «мясо» ведь нужно сначала напоить, бэ-ээ вообще!

Пить мы, естественно, не стали. Не потому что опасались здешних «самцов», скорее, из чувства брезгливости. Боялись мы другого. Точнее, я боялась. Со многими здесь мы учились вместе, с кем-то даже продолжали ходить на одни лекции в колледже. В компании золотой молодежи Монтерея меня вообще не жаловали. Не скажу, что я страдала, но неприятно.

Я не была лузером, но я была не такой, как нужно. Не стремилась завязать дружбу с популярными девочками, не зависела от чужого мнения и одобрения неинтересных для меня людей. Я не хотела соответствовать надуманным стандартам, но мое нежелание не могло отменить эти самые стандарты. Человечество в принципе склонно навешивать ярлыки, подростки тем более. Мой был «приблуда». В элитной

частной школе благополучного богатого города я оказалась совершенно случайно, заблудилась. Нет, в меня не бросали бумажками почти (спасибо Марсии и обещанным вшам), не плевали в стакан с соком, и обедала я не в туалете, но в тусовку к деткам толстосумов тоже не звали. А мне и не надо было! Но я слушаю, если скажу, что было легко и совсем не обидно.

– И что мы ищем? – шепнула Марсия, когда мы все же протиснулись в одну из комнат – людей приглашено явно больше, чем дом мог вместить, а ведь основная движуха вообще у бассейна проходит!

Я покосилась на нее, поджав губы: я почему знаю!

– Это вообще твоя идея! – зашипела, обходя пьяных здоровяков из футбольной команды.

– О, кого я вижу! – Энди обнял нас за талию, плотоядно улыбнувшись. – Не ожидал, но очень рад.

Его рука скользнула по обнаженной коже спины, опускаясь на задницу.

Я скинула ладонь и оттолкнула хозяина.

– Потихе, дорогуша, – нахмурился он. – Сама пришла.

Я скривилась. Черт, как же я все это ненавижу! Тупые подкаты, попытки облапать, а потом вишенкой на торте «сама-дура-виновата». И этот Энди. Блин, ну симпатичный парень же: смазливый блондин, накаченный в меру, но такой жуткий придурок, хоть плачь! Вот, наверняка, когда бог раздавал мозги, он стоял в очереди за членом! Понятно, что

член для мужика важен, но хоть чуть-чуть ума можно было попросить!

– Отвали, а? – бросила ему и принялась искать глазами Марсию. Где она? Только же тут была! Потом меня смыло волной из разгоряченных тел: все вывалились на задний двор, к бассейну, с криками и визгами «давай-давай». Меня несло вместе с ними.

Здесь собрались звезды университета и просто звезды. Одна такая сразу сбила с настроения. Эрик.

Импровизированную барную стойку обступила толпа, бурно подбадривая индюка Лаваля. Двадцать четыре года, а все туда же! Текиловый армрестлинг! На столе с десяток шотов с водкой, парни стоят в позиции. Мона Войс, самая красивая и самая неприятная девчонка на моем потоке – да-да, все как в голливудских фильмах! – картинно дала отмашку. Ребята начали бороться, одновременно закидываясь алкоголем. Толпа принялась рьяно считать.

– Один! Два! Три! Четы... Ууув! – загудели, когда соперник Эрика уронил руку. Мона повисла на шее победителя. Он был очень даже за. Я саркастично вскинула бровь. Да, для вундеркинда в сфере it-технологий вот вообще не комильфо! Интересно, Цукерберг поощряет такой досуг своих сотрудников? Так, где мой телефон, нужно застримить мистера Лаваля во всей красе!

То ли мысли материальны, то ли у Эрика чутье на врагов, но он вскинул голову и горящим мутным взглядом толпу

просканировал, безошибочно останавливаясь на моем лице. Он нахмурился. Я вскинула подбородок, обдавая презрением. Да, дружок, я не твоя поклонница. Эрик как-то пьяно и очень по-мужски усмехнулся и одним махом выпил оставшуюся водку, не сводя с меня глаз. Расплавленный голубой лед... Никогда такого не видела. Очередной катаклизм, наверное.

– Хьюз, какая у тебя задница суперская, – ко мне снова подвалил Энди. Я не успела оттолкнуть его, как оказалась у лаунджа, куда вернулся Эрик вместе с Моной. Здесь был и Картер с двумя девушками на коленях, еще двое парней, хорошая выпивка и кальян. Вокруг творилась настоящая вакханалия: те, кого в быту называли студентами, бесновались, как обдолбанные хиппи в Вудстоке. А здесь прямо вип-зона элитного клуба.

Мона бросила на меня высокомерный взгляд, но соревноваться в остроумии не стала: знает, что проиграет, а терять лицо, когда аркан, то есть нога на моего сводного брата закинута, не позволительно. Хотя его, очевидно, не ее умственные способности интересовали.

– Давайте сыграем в правду или действие? – почти промурлыкала она. Картер усмехнулся и закатил глаза, продолжая исследовать декольте обеих спутниц, по очереди. Эрик остался подозрительно невозмутим, сверкая светлыми глазами в темноте.

– Давайте, – оживился Энди. Так, я чего-то не понимаю:

они с Моной вроде начали встречаться в начале лета? Эта игра у них такая?

– Я пас, – скинула тяжелую руку и попыталась подняться.

– Да ладно, будет весело.

– Колючка просто трусиха, – с насмешливым равнодушием бросил Эрик, глубоко затянувшись и выпустив в меня клубничную дымную струю.

Я полыхнула на него глазами: какая я ему колючка?! Индюк надутый! Но я не ушла, предварительно наградив всех гордым негодованием. Умная девушка ушла бы, а я нет. Поэтому что дура.

– За отказ говорить правду или исполнять задание назначается фант. Отменять фанты нельзя.

Правила озвучила Мона, с хитрым азартом потрянув волосами.

– Я начинаю, – и посмотрела на Эрика. – Правда или действие?

– Действие.

Кто бы сомневался!

Мона деланно задумалась, надув красные губы.

– Поцелуй самую красивую девушку здесь.

Я фыркнула. Какая пошлятина! За что и получила злобный взгляд от «мисс Америка». У Моны была кукольная внешность – Барби позавидовала бы, – но она действительно была красивой.

– Не уверен, что она даст себя поцеловать.

– Даст.

Эрик хрипло коротко рассмеялся и дернул ее на себя, жадно впиваясь в губы. Я даже отвернулась. Настолько это было интимно и горячо. Даже мне жарко стало.

– Может, и мы? – Энди голодными глазами уставился на... Нет, не на губы, на мою грудь. И чего пристал?!

– Отвали.

– Правда или действие? – Эрик рывком ссадил с себя Мону и обратился ко мне. Честно, не ожидала. Я привыкла, что он либо не замечает меня, либо гадости говорит. Но гадости преимущественно наедине, а так – тотальный игнор.

– Правда, – буркнула я.

– Что я подарил тебе на восемнадцатилетие?

Что? Что-оо?! Он больной, что ли?! Что Эрик хочет услышать?! Что я чуть не отдала ему свою девственность на кухонном столе? Ага, конечно, буду я ему отвечать и цирк устраивать!

– Не помню, – сквозь зубы процедила я.

– Окей, – он плотоядно улыбнулся, словно только этого и ждал. – Три недели будешь моей рабыней. Делать все, что я прикажу.

– Да пошел ты! – возмутилась я. Он серьезно думает, что я соглашусь! Буду прислуживать ему из-за отказа исполнять правила дурацкой игры. Ага, уже бегу и фартук надеваю!

– Слабачка, – выплюнул Эрик, и все его поддержали. О, мой любимый эмоциональный буллинг. Иди, родной, обни-

му тебя!

– Моя очередь, – все, заставлю его землю жрать! Или пыль с моих туфель слизывать! Подонок! – Правда или действие?

– Правда.

Я замерла. Такие как он всегда выбирают действие, а тут такое. Я даже как-то не подготовилась.

– Почему ты ненавидишь меня?

Меня давно мучил этот вопрос. Если бы это было только из-за брака его отца с моей матерью, то он бы и ее до сих пор третировал. Но это не так. Сейчас только я красная тряпка для быка, точнее, индюка напыщенного.

– Это неважно.

– Это не ответ, – нервно хихикнула я. Кажется, мой сводный брат тоже попадет на штраф.

– Другого не будет.

– Тогда в расчете.

– Нет, – он даже пальцем у моего лица помотал, поддавшись через стол.

Я резко поднялась и специально каблуком наступила на ногу Энди. Сильно так, с проворотом.

– Ауч! – заорал он.

Потом ушла. Гадство, просто гадство! Черт! И где вообще Марсия? Я набрала ее.

– Ты где? – тут же крикнула она.

Это я где?!

– Здесь не дом, а бермудский треугольник!

– Я на улице, иду к машине, – сказала и отключилась. День с утра не заладился. Нет, все пошло не так, когда мама сказала, что Эрик приезжает. Или вообще, когда мы в Монтерей переехали.

– Ты мне должна, Колючка.

Я резко обернулась, практически воткнувшись в темную футболку. Опять он! Черт, мне Эрик столько внимания уделял в совокупности за все восемь лет. Только в сочельник больше уделил...

– Ты вообще-то тоже! – огрызнулась, отмахиваясь от яркого воспоминания – его руки на моих бедрах... И почему кошмары всегда такие запоминающиеся?

– И что ты хочешь? – спокойно спросил он, нарочито громко задумавшись: – Чтобы я землю ел, м?

Я вспыхнула! И как он узнал?!

– Какая ты предсказуемая.

– Ты зато человек-загадка, – едко ответила я. – Восемь лет не замечал меня, теперь прохода не даешь.

– Почему же не замечал, – Эрик прямо посмотрел на меня. – Один раз очень даже заметил.

Я сделала вид, что не услышала намек, возвращая разговор в более безопасное русло. Хотя у нас нет таких, везде сложно.

– Ну и что будет, если я откажусь? За игровой стол не сядешь со мной? Плевать! – и равнодушно пожала плечами.

– Да ничего, – легко согласился Эрик. – Ты в очередной

раз докажешь, что трусливая слабачка. Лузерша, которой непонятно за какие заслуги подарили билет в жизнь, – ядовито добавил.

– Никакая я не лузерша, и ты прекрасно это знаешь.

– Правда? – округлил глаза он. – Докажи!

Ну сволочь, ну гад! Манипулятор чертов! Меня ведь на слабо берут! Тупое слабо! И я ведусь! Вот дура!

– Хорошо, а ты тогда...

Землю есть уже не актуально... Черт!

– Шевели извилинами. У меня еще дела.

Знаю я какие у него дела! А вот у меня этих «дел» нет...

А вот пусть мой сводный брат их мне найдет!

– Найди мне парня, – выдала быстрее, чем обдумала.

– Не понял...

– Пораскинь мозгами, Лаваль, – передразнила я. – Найди мне парня: красивого, богатого, чтобы подарки там, шмотки... Кого-нибудь из твоих друзей можно. Главное условие, чтобы на тебя похож не был!

– Что, сама справиться не можешь? – оскалился Эрик.

– Конечно! Мне нужен помощник, чтобы девственности лишиться.

У меня получилось вогнать его в ступор. Голубые глаза подозрительно сузились и странно блеснули в тусклых фонарях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.